

Краткий анализ фильма ван дер Кейкена

Но есть все-таки в 60-х какое-то ожидание. Я сам живу с того времени и по-прежнему чего-то жду. Свет дымчатый, ольховый, свет белочки в лесу.

Антивоенная демонстрация. Антиамериканская. "Джонсон...такой-сякой..." Взгляды, в которых порой не видишь ничего, кроме тупого самоуверенного нарциссизма. Две минуты прошло. Дождь, поле, степь, ржавые ворота. Я против них всех – во славу степи и неба.

Они борются за права – "вообще права", западло ведь бороться за личные права. А жива ли белочка, права ли? Знамена – белочки, и, если борешься за права, любое знамя – звезднополосатое, конфедератское – становится упрямой белочкой-мамой. Или упрямым шоссе по утрам, и там все ездит одинокий автомобиль. Порой страшное чувство, что он ездит по кругу, но гонишь, гонишь эту мысль... Взлетает ворона, играет рок-музыка, щебет ребенка – белочка-красуня в своем зеленом лесу. Я прохожу – но хочу проходить, не проходя – потому вздымаю флаг и тоже борюсь "за права".

Дети, футбол, самокаты. Целуются в засос. Седьмая минута. Узоры на стенах, поцелуи, картины и живопись играют важную роль...

Потом идет размежевание – те, кто больше смотрит на узоры и развеивание флагов, и те, кто догматически обсасывает пуделя-борьбу . Поцелуев ведь всем не достанет – это Сатурн.

Кроме того, есть еще офисные служащие, планктон.

Такая диспозиция. Даже не знаю, что тут еще можно сказать. А-а, вспомнил! Есть еще городские сумасшедшие и старческий маразм. Это тоже находится в какой-то связи с картинами и живописью – связь, которую я еще не выяснил до конца. А когда выясню, уже ничего не смогу про это рассказать. Это останется загадкой – впрочем, совершенно не нужной для тех, кто борется "за права".

Я думаю, Тициан кое-что знал об этом – из тех, которые все-таки смогли рассказать.

И это не отменяет факта, что, когда я сейчас смотрю на кадры антивоенных демонстраций, мне зачастую хочется вломить всем этим недоумкам пизды. На стороне полиции. Тициан безусловно кое-что знал и об этом, и даже смог рассказать.

Но есть все-таки в 60-х какое-то ожидание. Я сам живу с того времени и по-прежнему чего-то жду. Свет дымчатый, ольховый, свет белочки в лесу.

На 13-й минуте они просто записывают шум моря. Или белый шум телевизора.

И еще, никогда не надо забывать про "Аполлон". Суки левенькие, никогда не надо забывать про 20 июля 1969 года! Они завезли туда все пагоды. Вот-вот, да здравствует Луна-Республика! Луна-Полиция-Республика!

"А что американцы делают во Вьетнаме?!" Действительно, а что же, аицин паровоз, американцы делают во Вьетнаме? "Джонсон – ублюдок, Джонсон – ублюдок!", "Руки прочь от Вьетнама!". Да отъебитесь, муравьи! Какие у вас кожаные курточки! И сапожки. Как вы прихорашиваетесь, я же вижу! Третье сословие, лето любви.

На первом упоминании о Тициане следовало закончить, это было бы вполне аккордно. Но фильм-то еще идет, я вижу: осталось добрых 20 минут. Которые мне бы хотелось заполнить сугубо мечтами, но это невозможно. Или воспоминаниями – но это никому не интересно, в том числе и мне самому. Здесь можно перейти на мелкий шрифт. Вроде как море. Появляется море – оно "лечит", так всегда говорят. Еще бы, это не гора, карабкаться не надо. А я будто всю жизнь пытался вскарабкаться на эту маленькую дурацкую Чумку у нас в Одессе. Там наверху, говорят, нет ничего интересного, автобаза какая-то. Но столько лет проезжал мимо на автобусе, мог бы сойти и взглянуть – пять минут хода. Греется у очага. Воспоминания все-таки поканали. Еще 11 минут осталось. "Люди, я любил вас, будьте бдительны" – это раз. По-прежнему играет рок-музыка – это два. Печка, или как там ее, со всеми неприличными южно-славянскими коннотациями – это три.

Кроме того, некоторых моих друзей очень заботит тот факт, что правые тоже маршируют. Неонацисты там всякие, факелы. Даже не знаю, что сказать по этому поводу. Ну вроде как дымный мерцающий свет на заднем плане "Пастуха и нимфы". Тициан безусловно много знал об этом. Хотя дело все-таки не в заднем плане. Эгоизм, или даже похуизм? Но я по-прежнему слежу за белочкой, я призван следить исключительно за белочкой в зеленом лесу.

Не кричать "Вьетнам! Вьетнам!" – но выйти к созерцанию чистого оттенка! Когда-то я называл это "геопозтикой". Относиться к стране как к этой вот ветке (особенно если относишься к себе как к непонятному морю).

"Стрален де сонц" ("великолепие солнца"), – орет он тем временем, нацепив на себя очередную дурацкую шляпу (хипповскую). Потом начинает эякулировать эту фразу с убыстрением в этакый электронный музыкальный авангард. Что ему еще остается?!

Они причепурились, обнялись и улеглись на пол – антиамериканская демонстрация. Или напились, улеглись на пол и кричат: "Долой мещанство!" – мы тоже так когда-то делали с Димой Гильбурдом.

Еще 14 минут. Они по-прежнему валяют дурака и играют в Иисуса Христа. Или клоуна – довольно меткое наблюдение этого самого ван дер Кейкена.

Женщины носили шиньоны. Моя мама тоже носила шиньон.

О, господи, они еще несут портреты Че Гевары. Что можно сказать об интеллекте людей, носящихся с Че Геварой?! Впрочем, мое-то какое дело.

Какая-то Y-образная штука торчит из окна (41-я минута).

И бытовые шорохи за кадром. Пошел наплыв. О, какой наплыв пошел мощный!

Каролино-Бугаз, солнечная картинка с другой стороны гольбейновского "Амбассадора". Анаморфоза – наше спасение. Имена стран под сенью девушек в цвету. Под сенью белочек в лесу. Шкурка белочки распластанная в переулке. В ожидании того, по отношению к чему вся наша жизнь является анаморфозой. Расползание, идиотизм – еды, камней, гор. За солнечной картинкой. Награда самоубийцам, что проваливаются туда с треснувшим черепом.

Еще 4 минуты. Распахнутые окна – в любом случае надо соблюдать систему распахнутых окон, коммунитарность. Или не надо? Вот бутылка водки, скажем... Две минуты. Наверное, мне стоило провести их в медитации. Но если за всю жизнь не научился, так что уж теперь. Прищурившись наблюдаю флаги. Ого, уже пошли титры. Это уже там, где меня нет.

